

УДК 343.4

Габидуллин Э.С.

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, e-mail: esiirk@mvd.ru

ОСНОВНОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: экстремистские сообщества, организация экстремистского сообщества, непосредственный объект преступления.

В статье критически проанализированы научные подходы к определению объекта преступления, предусмотренного ст. 282.1 Уголовного кодекса РФ. Из числа наиболее распространенных в науке концепций объекта преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, выделены и рассмотрены следующие: «основы конституционного строя и безопасности государства», «общественная безопасность», «социальный мир». Признано, что указанные объекты могут быть приняты в качестве объекта посягательства организации экстремистского сообщества, но не как первоочередные. Обоснована позиция, в соответствии с которой объектом данного преступления являются общественные отношения, обуславливающие независимость гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина от его политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе. Внесено предложение о размещении состава указанного преступления в Главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» Уголовного кодекса РФ. При таком решении в Главе 19 объединяются составы преступлений с одинаковой – экстремистской – мотивацией. Кроме того, сформулированный объект преступления ст. 282.1 УК РФ больше согласуется с родовым объектом Раздела VII «Преступления против личности» УК РФ, чем с родовыми объектами Разделов IX и X УК РФ.

Введение

Современная законодательная трактовка состава преступления ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2] такова, что теоретически целью создания и деятельности экстремистского сообщества может быть подготовка и совершение любых преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (в дальнейшем изложении по отношению к данному набору мотивов в отдельных случаях применяется обобщающий термин «экстремистские мотивы»). Такой широкий спектр возможных посягательств с необходимостью ставит вопрос об определении объекта данного преступления.

Целью исследования является анализ уголовно-правовой природы преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ и уголовной ответственности за это преступление, научных подходов к определению объекта указанного преступления и предложение собственного решения проблемы объекта посягательства.

Материал и методы исследования

Материалами исследования послужили нормы российского уголовного законодательства об ответственности за организацию экстремистского сообщества, нормы Конституции Российской Федерации [1], определяющие конституционные основы этой ответственности. Кроме того, в работе проанализированы труды российских ученых-правоведов, предметом рассмотрения которых явились объективные признаки состава преступлений экстремистской направленности в целом, и преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, в частности.

При анализе законодательных норм и научных трудов использовались различные приемы и методы познания, апробированных юридической наукой, такие как структурно-функциональный, анализа, сравнительно-правовой, толкования и другие.

Результаты исследования и их обсуждение

Статья 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» размещена законодателем в разделе X «Преступления против государственной власти»

главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Согласно такому размещению родовым объектом состава преступления, предусмотренного данной статьей, являются «интересы законного функционирования государственной власти в Российской Федерации, обеспечивающие не только ее стабильность, но и стабильность ее отдельных институтов и органов в частности» [11, с. 592]. Видовой объект формулируется как «общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности основ конституционного строя и безопасности государства» [19, с. 586]. Мнения в науке по поводу непосредственного объекта указанного преступления самым существенным образом разделились.

Одна группа ученых согласна, в целом, с законодательным решением о размещении ст. 282.1 УК РФ в главе 29 и соответствующим определением объекта, но при этом разные авторы расходятся в деталях.

Сразу следует оговорить, что, на наш взгляд, недопустимо формулировать объект посягательства, исходя из наличия конституционного (как, впрочем, и иного правового) запрета. Так, например, по мнению А. И. Рарога, непосредственный объект преступления ст. 282.1 УК РФ представляет собой «совокупность общественных отношений по реализации конституционного запрета осуществления экстремистской деятельности» [13, с. 512]. Мало того, что указанного запрета среди основ конституционного строя не обнаруживается, но и поддержание указанного конституционного запрета уголовно-правовыми средствами, как отмечает Ю. А. Клименко, «не является конечной целью уголовного права» [9, с. 125]. В случаях, когда уголовно-правовые нормы корреспондируют конституционным, следует иметь в виду одинаковость объекта конституционных и уголовно-правовых норм. По справедливому мнению А.Э. Жалинского, общественная опасность деяния не может быть выявлена только ссылками на противоправность признаков его объективной стороны» [7, с. 355]. Иначе говоря, при определении объекта недостаточно ссылки на конституционный запрет – необходимо выявить этот объект, защищаемый как конституцион-

ными, так и поддерживающими их уголовно-правовыми средствами. Таким же образом нельзя принять в качестве объекта преступления и иные конституционные нормы, в частности, различного рода гарантии.

Вряд ли можно считать оправданным и включение в понятие объекта рассматриваемого преступления излишне широкого круга общественных отношений: «конституционные основы, национальные, правовые и религиозные отношения, безопасность и целостность общества и государства» [19, с. 612]. С учетом приводимого в это же источнике понятия дополнительного объекта в виде прав и законных интересов человека и гражданина, получаем, что организация экстремистского сообщества посягает практически на все основные объекты, за исключением, пожалуй, экономических отношений.

С. М. Кочои [10, с. 328], Р. Б. Петухов [12, с. 85] называют в качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, основы конституционного строя, С. Н. Фридинский [20, с. 66] делает акцент на безопасности государства.

Приводимые в рамках данной концепции доводы не выглядят убедительными по следующим причинам.

Если буквально подходить к понятию основ конституционного строя как к юридическим нормам, содержащимся в Главе 1 Конституции РФ, то приведенные выше общие ссылки на эти нормы сомнительны. В данной главе наличествует широчайший спектр самых разнообразных интересов. Как справедливо отмечает С.В. Дьяков «...такая широта защищаемых общественных отношений может быть адекватна, пожалуй, задачам, стоящим перед Уголовным кодексом в целом...» [6, с. 24-25], и не ясно, на каком основании уголовно-наказуемое посягательство на одно из таких отношений полагается посягательствам на основы конституционного строя, а посягательства на другие отношения – нет. Так, например, согласно ч. 2 ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Означает ли это, что преступления против собственности, объединяемые Главой 21 УК РФ, следует определить как преступления,

посягающие на основы конституционного строя? Разумеется, нет.

Во-вторых, немедленно возникает вопрос, какие именно нормы Главы 1 Конституции РФ определяют общественные отношения, являющиеся объектом преступления ст. 282.1 УК РФ? Зачастую сторонники отнесения объекта данного преступления к основам конституционного строя вообще не уточняют, о каких именно основах идет речь. В остальных случаях мнения по данному вопросу расходятся. Так, А.А. Турышев относит к ним те основы конституционного строя, которые направлены «на обеспечение целостности и безопасности многонациональной, много-религиозной страны, что возможно при соблюдении идеи равноправия людей независимо от социальной, идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной принадлежности» [18, с. 108]. Сходной позиции придерживается А. О. Безроков [4, с. 17].

С.А. Юдичева, причисляя к объекту рассматриваемого преступления целый ряд общественных отношений, регулируемых различными нормами Конституции РФ, в то же время из числа относящихся непосредственно к основам конституционного строя включает следующие: политическое или идеологическое многообразие (ст. 13 Конституции РФ); религиозное многообразие (ст. 14 Конституции РФ) [21, с. 117].

В первом случае не совсем ясно, о каких именно основах конституционного строя идет речь, так как никаких норм, соответствующих указанным характеристикам, в Главе 1 Конституции РФ нет, а в подходе С. А. Юдичевой упомянутые автором конституционные нормы не могут быть определены выразителями общественных отношений - объектов преступления в связи с тем, что являются, прежде всего, политическими декларациями. Не случайно каждая из них сопровождается «подкрепительными» нормами о том, что никакая идеология и никакая религия не могут устанавливаться в качестве государственных или обязательных (ч. 2 ст. 13 и ч. 1 ст. 14 Конституции РФ соответственно). Представляется, что на политическое или религиозное многообразие в стране можно посягать только

действиями, выраженными в форме политического произвола.

Так, например, по отношению к фиксации в основах конституционного строя признания идеологического многообразия в науке имеется следующее мнение: «...Конституция России возводит принцип идеологического многообразия в ранг основ конституционного строя (в отличие от большинства конституций мира, где данный принцип реализован через закрепление соответствующих прав и свобод человека и гражданина – Э. Г.). Помимо прочего, это сделано и из-за опасности возврата к тоталитарному прошлому, тем более, что силы, заинтересованные в подобной реставрации, в стране легально существуют» [3, с. 167]. Кроме того, запрет на установление какой-либо идеологии в качестве единой и обязательной целиком адресуется «государственным органам, правящим политическим партиям и высшим должностным лицам» [3, с. 170]. Понятно, что такого рода посягательства на политическое и идеологическое многообразие и преступления, совершаемые криминальными группировками по экстремистским мотивам, - явления совершенно разного масштаба и политико-правовой природы.

В ряде работ, среди которых труды С.В. Борисова [5, с. 92], С.М. Кочои [10, с. 328], А.Ю. Сичкаренко [17, с. 27] и других авторов, конституционной нормой, определяющей объект посягательства организации экстремистского сообщества, называется ч.5 ст.13 Конституции РФ, устанавливающая запрет на создание общественных объединений, ставящих своими целями насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Экстремистское сообщество к числу таких общественных объединений не относится ни по юридическому статусу, ни по своим целям.

Таким образом, среди основ конституционного строя мы не находим норм, служащих закреплением общественных отношений, являющихся объектом преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ. Здесь в качестве аргу-

мента уместно напомнить о безуспешных попытках В.П. Сергуна установить соотношение между преступлениями против основ конституционного строя и преступлениями экстремистской направленности [16].

Можно предположить следующую логическую схему, увязывающую совершение преступлений криминальными формированиями по экстремистским мотивам, с посягательством на основы конституционного строя и (или) государственную безопасность. Деятельность организованных структур по подготовке и совершению преступлений экстремистской направленности может привести к обострению отношений на уровне социальных групп различной природы, которое, в свою очередь, при дальнейшем развитии, обуславливает дестабилизацию социальной обстановки, нарушение деятельности общественных и государственных институтов, их деградацию с возможной утратой управляемости государством. Последнее может быть расценено и как нарушение безопасности государства, и как подрыв конституционных основ, закрепляющих его суверенитет.

Однако, возникает вопрос: правомерна ли подобная экстраполяция при определении объекта преступления? Полагаем, что оснований для этого нет. Представляется совершенно справедливым замечание А. В. Ростокинского о том, что «...экстремистские деяния характеризуются общественной опасностью непосредственно в момент их совершения, когда нарушается общественный порядок, покой граждан, честь и достоинство многих лиц, а не тогда, когда вследствие массового или регулярного совершения подобных деяний произойдет изменение конституционного строя, либо деятельность государства окажется дезорганизована, значительно осложнена» [14, с. 222-223]. При нарастающем массовом регулярном совершении и многих других видов преступлений могут иметь место последствия в виде дестабилизации деятельности государства, например, систематически посягающих на права и свободы человека, глобально разрушающих окружающую среду и т. п. [14, с. 217], что, естественно, не дает повода относить их к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства.

Вторым основным направлением в решении проблемы определения объекта преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, является отнесение данного объекта к общественной безопасности. В качестве аргументов сторонники данного подхода, в частности, приводят следующие рассуждения. Экстремистская деятельность в целом, и совершение преступлений экстремистской направленности, в частности, дезорганизует взаимодействие институтов публичной власти и общества, посягая, тем самым, на общественную безопасность [15, с. 85]. В связи с изложенной позицией А. В. Ростокинский полагает, что состав преступления, предусмотренный ст. 282.1 УК РФ, следует разместить в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ.

А.О. Безроков обращает внимание на вероятность уже рассмотренного нами выше процесса «цепной реакции» при распространении преступлений экстремистской направленности: «Общественная опасность преступлений экстремистской направленности заключается в том, что в многонациональном обществе с различными политическими, идеологическими, религиозными взглядами и убеждениями при совершении подобных деяний не просто причиняется вред отдельной личности. ... У потерпевших порождается не только чувство ущемленности, неполноценности, тревоги, страха за себя и своих близких, но и обостряются чувства агрессии, ненависти, вражды, мести, которые могут воплотиться в ответной реакции – причинения преступного вреда жизни, здоровью, имуществу представителям общности виновной стороны. ... В результате такой цепной реакции может быть причинен вред многим людям, что, несомненно, более опасно, чем отдельно взятое убийство, причинение вреда здоровью или хулиганство» [4, с. 180].

Близким к указанному подходу по содержанию является предположение о том, что объектом организации экстремистского сообщества является социальный мир, понимаемый как «состояние общества, при котором взаимодействие составляющих его социальных групп (национальных, религиозных, политических и т.д.) построено на балансе интересов, происходит ненасильственными способами, с помощью

компромиссов, на основе взаимного уважения и с соблюдением принципа терпимости друг к другу» [9, с. 125], или, в несколько иной формулировке – «общественные отношения, обеспечивающие толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями, независимо от социальной, расовой или национальной принадлежности, отношения к религии, приверженности определенной идеологии либо направлению в политике, а равно принадлежности к какой-либо иной группе в структуре общества» [5, с. 93].

Все эти соображения вполне справедливы, но, если говорить о *непосредственном* объекте посягательства, то есть о тех ценностях, общественных отношениях, на которые деяние посягает в первую очередь, то, полагаем, и общественная безопасность, и социальный мир как объекты посягательства вторичны. Применяя приведенную выше логическую формулу А. В. Ростокинского, можно констатировать: преступления экстремистской направленности характеризуются общественной опасностью непосредственно в момент их совершения, когда осуществляется посягательство на жизнь, здоровье, честь, достоинство, покой граждан, а не тогда, когда вследствие достаточно массового или регулярного совершения подобных деяний произойдет нарушение общественного порядка, общественной безопасности или толерантных отношений между социальными группами.

Заключение

Указанные выше рассуждения приводят к однозначному выводу о том, что непосредственным объектом посягательства преступлений экстремистской направленности в целом, и организации экстремистского сообщества в частности, являются *общественные отношения, обуславливающие независимость гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина от его политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе*. При этом права и свободы понимаются в самом широком смысле: от права человека на жизнь до личных неимущественных и гражданских прав и свобод. Имен-

но на этот объект указывает, по нашему мнению, особая отличительная черта преступлений экстремистской направленности, совершение которых является целью организации экстремистского сообщества, а именно – экстремистские мотивы. Наличие таких мотивов у определенных лиц, в определенных слоях общества государство справедливо полагает опасным обстоятельством как для граждан, так и для общества в целом и самого государства. Не имея возможности и законного права наказывать за мысли и настроения, оно борется с этими явлениями косвенно – вводя уголовную ответственность за организацию экстремистских сообществ, имеющих целью совершение преступлений экстремистской направленности, устанавливая повышенную уголовную ответственность за совершение преступлений с экстремистскими мотивами. Кроме того, уголовная ответственность установлена и за возбуждение такого рода настроений в обществе (см. ст. 282 УК РФ).

Указанные настроения и мотивированные ими деяния являются антиподами гарантированного в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Несмотря на то, что в предлагаемой трактовке объекта преступления фигурирует отсылка к конституционным нормам, следует отметить, что эти нормы не принадлежат к числу основ конституционного строя – они содержатся в других разделах Конституции РФ.

Наиболее подходящим для данного состава преступления местом в структуре Особенной части УК РФ является, по нашему мнению, Глава 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Здесь данный состав преступления будет удачно соседствовать со ст. 136 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного по-

ложения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Сходный с предложенным вариант объекта посягательства, правда, в усеченном виде, формулируется некоторыми авторами в качестве дополнительного непосредственного объекта при основном непосредственном объекте в виде основ конституционного строя [17, с. 28]. Также в науке встречаются следующие формулировки объекта организации экстремистского сообщества: «общественные

отношения в сфере обеспечения ... равноправия граждан» [8, с. 81]. Соглашаясь, в целом, с указанной позицией, весьма близкой с предлагаемой в настоящей работе, следует уточнить, что под равноправием граждан понимается не равенство прав как самоцель, а именно признание за каждым человеком независимо от его политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе полного набора прав и свобод, установленных Конституцией РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в редакции по состоянию на 21.07.2014) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 21.11.2018).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (редакция по состоянию на 12.11.2018) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.12.2018).
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
4. Безроков А.О. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014.
5. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики: монография. – М.: Международный юридический институт, 2010. – 256 с.
6. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. – СПб.: Издательство «Юридический центр – Пресс», 2012. – 267 с.
7. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – М., 2009. – 400 с.
8. Карягина О.В., Авакова Н.И. Роль мотива в совершении преступлений экстремистской направленности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2016. – № 2 (24). – С. 79-83.
9. Клименко Ю.А. Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ): объект преступления и его значение для квалификации // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3 (64). – С. 123-129.
10. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. – М.: КОНТРАКТ, «Волтерс Клувер», 2010.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Особенная часть. Курс лекций. Том 2. – М.: Юридическая литература, 2004. – 832 с.
12. Петухов Р.Б. Уголовно-правовая характеристика преступлений посягающих на основы конституционного строя Российской Федерации // Современное общество и право. – 2012. – № 4 (9). – С. 83-89.
13. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2010. – 688 с.
14. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
15. Ростокинский А.В. Об объекте и классификации экстремистских преступлений // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 84-87.
16. Сергун В.П. Проблема соотношения преступлений против основ конституционного строя и преступлений экстремистской направленности в науке российского уголовного права // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 109-114.
17. Сичкаренко А.Ю. Организация экстремистского сообщества: особенности квалификации. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2015. – 84 с.
18. Турышев А.А. Уголовно-правовая характеристика экстремизма // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1 (9). – С. 106-109.
19. Уголовное право России. Часть Особенная / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2012. – 824 с.
20. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
21. Юдичева С.А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.